

Лев ЛИНЬКОВ

ПО СЛЕДУ

Цена 50 коп.

СОДЕРЖАНИЕ

По следу	1
Счастье Петра Орлова	10
Солдаты Дзержинского	28

Рисунки **А. ДЖАНАЕВА**

Редактор **В. В. ПАНОВ**

Лев ЛИНЬКОВ. По следу, рассказы.

ПО СЛЕДУ

После полудня на заставу приехал комендант пограничного участка капитан Иванов.

Спрыгнув с разгорячённого Орлика и передав его коноводу, капитан принял рапорт начальника заставы, поздоровался и, оглядевшись, словно ища кого-то, спросил:

— Вернулся?

— Пока нет! — сумрачно ответил Яковлев.

Отогнув обшлаг рукава, Иванов посмотрел на часы. Было два часа дня.

— В пятнадцать часов минет полсуток, — добавил начальник.

— Да-а... — протянул капитан. — Все заставы предупреждены, заблудиться он не мог...

Командиры прошли в канцелярию. Яковлев доложил коменданту, что усиленные наряды, посланные на поиски по всему участку заставы, не обнаружили никаких следов пропавшего пограничника, да если они и были, то их давно размыл дождь, ливший три часа кряду. Оставалось предположить, что ночью с Серовым приключилась беда. Может быть, он повстречался с какими-нибудь матёрыми нарушителями границы, которым удалось его ранить и увезти с собой как «языка», могли и убить...

Всё это было возможно, но не хотелось думать, что с таким находчивым и опытным пограничником, как Ермолай Серов, стряслось несчастье.

В отряде Ермолая считали лучшим следопытом. За полтора года Серов задержал шпионов и диверсантов больше, чем другие.

— Везёт парню! — говорил кто-нибудь, когда Серов приводил на заставу очередного нарушителя.

Но дело было вовсе не в случайностях. Серов отлично изучил участок заставы, включая большое болото. Он точно знал, где можно пробраться через болото ползком на животе, где нужно прокладывать жерди, чтобы не увязнуть, а где можно пройти по поясу в густой жиже. Он знал каждый пенёк и каждую кочку, можно ли за этими кочками и пнями спрятаться человеку.

Пожалуй, во всём отряде никто не мог лучше его «читать» следы, оставляемые на земле и снегу птицей, зверем и человеком. Он сразу видел, кто тут пробежал: коза или кабан. У кабана своя привычка — обязательно по дороге копать землю. По чуть заметной разнице в глубине следов Ермолай определял, что зверь хромает на левую ногу, а взглянув на отпечатки распушенных

ослабевших пальцев, говорил наверняка: «Это прошёл старый тигр».

Великолепно Ермолай разбирался и в следах человека. Он сразу узнавал сдвоенный след и по малейшим вмятинам у пятки безошибочно определял, как шёл нарушитель: лицом вперёд или пятясь назад.

Новички были буквально поражены, когда однажды, обнаружив на границе следы нарушителя, Серов описал не только внешность этого человека, а рассказал чуть ли не всю его биографию.

— Нарушитель высокого роста, он прошёл сегодня утром после восьми часов, у него плоскоступие, он прихрамывает на левую ногу, косолапит, идёт издалека, устал, нёс что-то тяжёлое, ему лет так пятьдесят. Повидимому, охотник, к лесу привычный.

И по этому описанию, переданному по телефону на соседнюю заставу, в семи километрах от границы пограничники задержали опытного шпиона.

— Как ты обо всём этом догадался? — спросили позже товарищи у Серова. — Что, он портрет тебе свой оставил?

— А зачем мне портрет, когда и так всё, как на ладони, — улыбнулся Ермолай. — Гляжу на след: у внутреннего края стопы почти нет выемки, подъём, значит, низкий, ступня плоская. Левый след меньше вдавлен, будто человек боялся ногу твёрдо ставить, — хромает, значит. У пяток наружные края сильнее вдавлены, а поски сближаются — косолапый человек. Шаг — шестьдесят сантиметров. У пожилых да у женщин шестьдесят пять бывает, у здорового мужчины — семьдесят, а то и восемьдесят, а этот, мало того, что пожилой, груз тяжёлый нёс издалека и потому устал изрядно.

— А как ты узнал, что он охотник, да ещё высокий?

— Я же говорю, по следу, — спокойно продолжал Серов. — Линия походки прямая, — значит, человек ногу

перед собой выбрасывал. Так ходят военные да охотники: кто мало ходит, тот в стороны ноги ставит.

— Высокий-то почему? — спрашивали новички, окончательно поражённые убедительными доводами Серова. — Ведь у высоких людей шаг должен быть шире. Откуда ты узнал, что он высокий?

— Ветку он плечом надломил — вот откуда.

— А почему после восьми часов?

— Потому, что дождь кончился в семь часов. До восьми земля успела подсохнуть, а если бы шпион прошёл до дождя, то вода сгладила бы кромку следов...

Не сразу постиг всю эту премудрость Ермолай.

День за днём учил его Яковлев искусству следопытства и, наконец, сказал, что ему самому пора у Ермолая учиться.

И вот, лучший следопыт заставы исчез, словно канул в воду. Вечером он присутствовал в комендатуре на заседании бюро комсомольской организации, после чего направился обратно на свою заставу и пропал.

С каждым часом становилось всё меньше надежд на его возвращение. Сведения, которые подтвердили бы, что Серов попал в руки к врагам, можно было получить не раньше вечера, и Иванов решил остаться на заставе ждать известий.

Дробные голоса водяных курочек и свист камышовки известили о приближении сумерек. Яковлев направлял на участок границы ночные наряды. Иванов, молча наблюдая за давно знакомой процедурой, мысленно перебирал все возможные варианты поисков Серова. Остаётся одно: «прочесать» весь участок комендатуры.

Вдруг распахнулась дверь, и поспешно вошедший старшина возбуждённо доложил:

— Ермолай Серов прибыл!

Ермолай шёл медленно, сгибаясь под тяжестью привязанного за спиной человека. Увидев Серова, погра-

ничники, чистившие у конюшни сѣдла, побежали ему навстречу. Серов остановился, широко расставив ноги и тяжело переводя дыхание. Фуражка сползла ему на лоб. Верёвка, перекрещивающая грудь, сдавливала шею, отчего сухожилия напряглись и вздулись. И брюки, и гимнастёрка, и даже фуражка — всё было покрыто слоем грязи, на сапогах грязь налипла огромными комьями.

На лбу Ермолая кровоточила глубокая царапина, глаза были воспалены. Одной рукой он оттягивал верёвку, чтобы не резала плечо и шею, в другой держал винтовку.

Товарищи сняли со спины Ермолая связанного по рукам и ногам человека. Это был здоровяк, на голову выше Серова, левая штанина его, туго перекрученная выше колена верёвкой, потемнела от крови. Одежда неизвестного была в грязи.

Увидев подходивших коменданта участка и начальника заставы, Серов выпрямился:

— Товарищ капитан, разрешите доложить?

— Докладывайте.

Ермолай коротко сообщил, что в тридцати километрах от заставы он догнал и задержал вот этого нарушителя.

Задержанного развязали. Он громко стонал и не мог стоять на ногах. Его отнесли сделать перевязку.

— Накормить товарища Серова обедом! — приказал Яковлев, любовно глядя на Ермолая.

Иванов попросил самым подробным образом изложить, как Серов задержал нарушителя. Но даже в подробном рассказе у Ермолая всё выглядело как нельзя более просто...

На тропке, километрах в трёх от границы, он обратил внимание на след лошади. След вёл в тыл, к болоту. Лошадь показалась Серову подозрительной: она шла не то шагом, не то рысью и так аккуратно сту-

пала, что спереди у следа даже не было срыва. Вскоре Ермолай ещё больше насторожился. На болоте появились кочки. Ермолай прыгнул на одну из них, кочка едва выдержала его, а под лошадьё даже не осыпалась. Да и к чему бы коню скакать с кочки на кочку?

Тринадцать километров шёл Серов по тайге, полянками, болотом и снова углубляясь в тайгу. Наконец, след вывел его к шоссе и исчез.

На шоссе ни души. Куда же свернуть: направо или налево? Серов нагнулся, тщательно всматриваясь в траву. Опустился на колени, прополз несколько шагов. Налево! Нарушитель пошёл налево. Вот здесь он очищал сапог о траву болотную грязь. Грязь ещё сырая, не успела обсохнуть. Значит, совсем недавно останавливался человек. Здесь он шёл обочиной — на стеблях травы ещё комочки грязи. Налево! Ермолай побежал по шоссе. За поворотом метрах в трёхстах шёл какой-то высокий человек в форме железнодорожника. Ермолай догнал его и остановил резким окликом:

— Гражданин, вы потеряли...

Железнодорожник оглянулся.

— Что вы говорите?

Ермолай наставил на неизвестного винтовку.

Железнодорожник медленно поднял руки и удивлённо спросил:

— Ты что это, батенька, играть вздумал?

Сознание возможной ошибки заставило Серова покраснеть, но он упорно стоял на своём.

— Доставайте документы, бросайте сюда! — топнул Ермолай о землю.

— На разъезд надо, опоздаю, — сказал железнодорожник, засовывая руку в карман.

В отдалении прогудел паровоз.

— Слышишь? Опоздаю.

Незнакомец собрался было вытащить руку, но Серов переменял решение:

Железнодорожник медленно поднял руки...

— Не вынимай руку!

Ему показалось, что карман у железнодорожника как-то странно оттопырился, — возможно, там пистолет.

Вторично, уже совсем близко за сопкой, раздался гудок паровоза.

— Я опоздал. Вы будете отвечать, — вновь переходя на «вы», сказал железнодорожник. — Я обходчик пути, меня ждут на сто пятой дистанции.

Он назвал посёлок, из которого шёл, фамилию председателя поселкового совета. Если пограничник бывал в

посёлке, то должен знать и его тестя Филиппа Сорокина — дом его под зелёной крышей.

Ермолай молча слушал и соображал, что́ ему делать. Не проверив документы, вести железнодорожника на заставу? Но какие основания задерживать человека далеко от границы, основываясь на одних предположениях?

— Зачем вы лазили по болоту? — неожиданно спросил Ермолай.

Железнодорожник глянул на свои сапоги и на сапоги Серова.

— Я поливал огород.

— Пойдёмте!

— Никуда я не пойду. Проверьте документы, — намереваясь вынуть руку из кармана, рассерженно проговорил железнодорожник.

— Не вынимайте руку! Пойдёмте!

— Куда же это итти? — глядя на винтовку, спросил обходчик.

— Откуда пришли. Пойдём болотом.

— Я не шёл никаким болотом, — делая несколько шагов, проговорил обходчик.

— Левее, — указал Ермолай движением винтовки в сторону тайги.

— Пойдёмте до разъезда, там вам сразу скажут, кто я такой.

— Левее! — настойчиво повторил Ермолай. — Ваш след, идём по вашим следам, — сказал он, мельком взглянув на отпечатки копыт.

— Вам это так не пройдёт! — проворчал обходчик, отстраняя упрямую ветку. Согнутая ветка с силой выпрямилась, ударив по лицу идущего сзади Ермолая. Ермолай невольно зажмурился. Только на один миг кустарник скрыл от него фигуру задержанного. Серов стремительно присел, и тотчас в ствол ели, чуть выше его головы, впиалась пуля.

Ермолай один за другим разрядил два патрона и, резко оттолкнувшись, прыгнул в сторону.

Шум кустарника указывал направление, по которому бежал «обходчик».

«Шпион»! — Ермолай послал ему вдогонку ещё две пули и укрылся за стволом берёзы.

Три пули ударились в дерево с противоположной стороны, одна из них прошла почти насквозь, отщепив кусочек древесины.

— Дальше болота не уйдёшь! — прошептал Ермолай, поняв, что обходчик взял круто влево...

Все остальное, по рассказу Серова, было совсем обычно. В болоте он ранил нарушителя в ногу, и тот едва не захлебнулся, будучи не в силах выбраться из воды. Серов связал раненого по рукам и ногам верёвкой, которую всегда носил при себе, и вытащил на сухое место. На пути не было никаких селений, и оставалось одно: взвалить нарушителя себе на спину и тащить. Отдыхая каждые пять минут, Серов прошёл последние восемь километров за восемь часов. Из своих рук поил врага и два раза делал ему перевязку.

— Но почему вы решили, что именно он шёл на копытах? — спросил комендант.

— От болота я вернулся на опушку — копыта лежали там в кустах.

— А как же вы их разыскали?

— Он сам показал, понял: я помер бы вместе с ним в болоте, а без копыт на заставу не пошёл, — улыбнулся Ермолай.

— Выходит, вы тащили его обратно?

— Тащил.

— Выходит, выходит... вы тащили его... восемь плюс два и ещё два, всего плюс четыре... вы тащили его двенадцать километров?

— Так те же не в счёт, товарищ капитан, они обратные, — искренне изумился Ермолай...

СЧАСТЬЕ ПЕТРА ОРЛОВА

1

Никогда ещё Пётр Орлов не попадал в такое отчаянное и едва ли не безвыходное положение. Цепко, до боли в ногтях, ухватившись левой рукой за острый гранитный зубец — в правой был автомат, — он всем телом прильнул к шершавой, почти отвесной скале. Носок правой ноги упирался в небольшой выступ, левая висела над бездной. Подбородок и губы уткнулись в выщербленную, бугристую поверхность гранита.

Приклад автомата, каким-то образом оказавшийся между скалой и грудью, сдавливал рёбра. Солнце пекло обнажённую голову, пот застилал глаза, а Пётр не только не мог стереть пот — он боялся пошевелиться.

Прошло не больше минуты, а рука занемела: разве хватит сил продержаться так хотя бы ещё четверть часа?!

Ощущение смертельной опасности — она долго и настойчиво подстерегала его и обрушилась совсем не с

той стороны, с какой он её ждал, — а главное, сознание того, что он может беспечно погибнуть, опалили мозг. Неужели врагу удастся уйти?

Мысль эта представилась до того невероятной, чудовищной, что Пётр вмиг забыл об опасности. Он, словно наяву, увидел жуткую картину: гигантский взрыв, плотина взлетает на воздух, река неудержимым водопадом устремляется в долину, тревожные гудки сирены, разрушенные заводы, стоны утопающих, и всему виной он — Пётр Орлов, которому верили, на кого надеялись, в ком не сомневались.

Словно тысячи людей смотрели на него сейчас. Во взглядах их были осуждение, негодование, гнев. Как ты это допустил? Как ты смел это допустить?!

— Нет, нет, — прошептал Пётр пересохшими губами. Отчаяние сменилось решимостью.

Прежде всего надо выяснить обстановку. Он слегка откинул голову и взглянул вверх.

Гребень утёса загораживал вершины уходящих к востоку хребтов, и Пётр увидел лишь бездонную, густую синеву южного неба и лениво громоздящиеся друг на друга облака.

Прижавшись к скале ещё плотнее, он повернул голову вправо и увидел южную вершину. У её крутых склонов, покрытых вечным снегом, собиралась сумрачная, тёмносерая туча — верный признак приближающейся грозы.

А внизу? Что внизу?

Всё так же осторожно Пётр глянул через плечо и невольно зажмурился: скала, на которой он еле держался, нависла над такой глубокой пропастью, что протекавший по её дну бурный поток казался отсюда, сверху, неподвижной серебряной лентой.

Поборов чувство страха, Пётр снова глянул в бездну. Метрах в семи под ним над ущельем парил орёл. Ещё ниже и чуть правее на небольшой скалистой пло-

щадке темнело гнездо, сложенное из хвороста и высохшей травы. На краю гнезда что-то ярко зеленело.

Увидев орла, Пётр ещё отчётливее ощутил всю исключительность своего положения: орлы строят гнёзда лишь в самых недоступных местах. Но что это там зеленеет?.. Фуражка! Моя фуражка?!

...Минут пять назад Орлов полз по гребню угрюмого гранитного утёса. С трудом волоча распухшую ногу, сжимая в руке автомат, он настороженно осматривал находящуюся с правой стороны впадину. Солнце спешило к закату, и через каменистую впадину протянулись длинные зубчатые тени. Где-то там враг! За время погони Пётр не раз мог убить его, но лишь ранил — врага необходимо захватить живым.

Карабкаясь на утёс, Пётр не сомневался: путь избран правильно. Только с этого утёса и возможен спуск по северному склону малого хребта в долину, куда, безусловно, и стремится враг, спуск невероятно трудный — крутой склон изрезан глубокими трещинами, — но всё-таки спуск! Когда же обнаружилось, что на утёсе нет никого, Пётр понял: враг ошибся и пошёл по впадине. Как же теперь поймать его? Где он спрятался?

Будто в ответ на мысли Петра внизу, между глыбами камня, метнулась знакомая высокая фигура. Пётр вскинул автомат, но на этот раз враг успел выстрелить первым и исчез.

Пуля сшибла с Петра фуражку. Раздумывать некогда: он ухватился за первый попавшийся гранитный зубец, скользнул на западную сторону гребня и очутился над пропастью...

2

Дежурный по заставе разбудил Орлова и Савина в 23.30. Пётр вскочил с койки, будто не спал. Минуты через две он уже плескался в умывальной: «Хороша водичка!..»

Пётр был худощав, но, несмотря на это, казалось, что его тело отлито из какого-то твёрдого и в то же время упругого и лёгкого сплава. Когда он двигался, каждый мускул его играл под смуглой кожей. Любители бокса, взглянув на него, сказали бы, что это прирождённый боксёр; знатоки лёгкой атлетики завидовали бы, что из Орлова получится великолепный бегун на длинные дистанции: не грудь — мехи, а болельщики футбола, безусловно, предсказали бы, что после кратковременной тренировки он с успехом сможет заменить любого из пятерых нападающих в отличной команде.

Однако Пётр не хотел быть ни боксёром, ни бегуном, ни футболистом. Он в одинаковой степени любил все виды спорта. Думая о том, что ему скоро предстоит демобилизоваться и расстаться с заставой, он мечтал о том, как поступит в энергетический институт, а закончив его, вернётся на родной завод «Динамо» инженером и станет конструировать новые мощные электровозы, которые повезут тяжеловесные составы по всем железным дорогам страны. И уже совсем было бы замечательно, если бы именно в Москву поехала учиться и Кето.

Словно угадав мысли Петра, дежурный сказал, что недавно звонил по телефону председатель «Маяка коммунизма» товарищ Кецховели: колхозники приглашают пограничников на завтрашний праздник по случаю пуска гидростанции. Особенно звали Петра. «Если бы,— говорил Кецховели,— нам не помог сержант Орлов, мы не смогли бы так быстро смонтировать турбину».

— И Кето увидишь,— улыбнулся дежурный.

Пётр почувствовал, как у него покраснели даже мочки ушей.

Он мог целый день, не уставая, лазить по горам и всю ночь напролёт просидеть над «Историей дипломатии» или стихами Лермонтова, попасть из винтовки в

подброшенную в воздух тарелку, прочесть на любом грунте самый неприметный след, не задумываясь, вступить в бой с десятком врагов и сделать доклад о международном положении. Но при всём том Петра силком нельзя было затащить в круг танцующих; когда его за что-нибудь хвалили, он страшно стеснялся и пунцово краснел при одном намёке на его чувства к бригадиру из соседнего колхоза — восемнадцатилетней Кето. В её присутствии он совсем терялся и становился молчаливым.

— Начальник просил председателя, чтобы за обедом тебя обязательно посадили рядом с ней,— подтрунивал дежурный. — Это, говорит, для сержанта Орлова будет лучше всякой премии.

Лицо Петра стало одного цвета с плечами, которые он нещадно растирал полотенцем. Спас его вошедший в этот момент в умывальную ефрейтор Савин.

Во дворе, шумно раскачиваясь, спорили с непогодой горные клёны, и было слышно, как полощет над крышей флаг.

— Здорово задувает! — буркнул Савин, посмотрев в окно.

— Быть дождю,— добавил он таким тоном, будто предсказывал ясную погоду.

Закусив, Орлов и Савин надели брезентовые плащи, фуражки, взяли из пирамиды оружие и ровно в 24.00 вошли в канцелярию начальника заставы.

Начальник внимательно посмотрел на них, осведомился, здоровы ли, и сказал:

— Вы направляетесь на охрану государственной границы Союза Советских Социалистических Республик, в район погранзнака номер... Задача...

Каждый день вот уже не первый год Пётр слышал знакомую ему фразу и всегда испытывал при этом ни с чем не сравнимое душевное волнение.

В охране границы важно каждое звено. Пётр пони-

мал это и всё-таки считал, что на заставах их отряда лежит особая ответственность: ведь по ту сторону границы Турция, в которой хозяйничают американцы...

Спустя полчаса Орлов и Савин были на месте, указанном начальником, и расположились в зарослях орешника, над ворчливой горной речкой.

Они внимательно всматривались в ночную тьму.

Ветер здесь, в ущелье, не такой сильный, то стихал, то, словно вострепнувшись, начинал перебирать ветви орешника и пел что-то тревожное, грустное.

За речкой, будто гигантский чёрный занавес, поднимался к небу склон противоположного турецкого хребта. Небо над ущельем было таким же чёрным, закрытым тучами, без малейшего просвета, сквозь который могла бы взглянуть на землю хотя бы одна звезда.

Часа в два ночи, как и предсказывал Савин, разразился ливень. Со склонов хребтов хлынули водопады. Речка вздулась и через какие-нибудь тридцать минут превратилась в клокочущий поток, который с непостижимой лёгкостью волочил и перекатывал огромные камни.

Орлов и Савин не оставляли своего поста до последней возможности. Когда же вода со злобным плеском начала затоплять заросли орешника, Пётр тронул товарища за плечо. Скользя, цепляясь за мокрые колючие ветки, они перебрались повыше, к запасной позиции, указанной на всякий случай начальником заставы.

Темнота, и без того почти непроглядная, стала ещё гуще. Рёв взбунтовавшегося потока заглушил все остальные звуки.

Казалось удивительным, откуда в небе, днём таком ясном, безоблачном, взялось столько воды: дождь лил будто из миллионов невидимых кранов, непрерывными, тугими, холодными струями.

Мало приятного находиться под таким ливнем, когда чувствуешь, что, кажется, промокли и кости, никакая сила не в состоянии унять дрожь во всём теле, и зуб не попадает на зуб!

Будь Орлов и Савин охотниками, они давно укрылись бы где-нибудь в пещере и отсиделись бы, покурявая трубки и вспоминая всякие диковинные охотничьи истории; будь они чабанами, застигнутыми ливнем на пастбище, они согнали бы стадо в круг и легли между тесно сгрудившихся овец, накрывшись тёплыми бурками; будь они жителями горного селения, на которое обрушилась непогода, они поплотнее закрыли бы ставни и расположились у жаркого очага.

Но Орлов и Савин были пограничниками. Если бы понадобилось, они бы пробыли под пронизывающим ливнем не час и не два — сутки, двое суток, столько, сколько потребуется, потому что горная речка, за которой они наблюдали, была не обычной речкой, каких великое множество на земном шаре, — по ней проходила граница.

3

Побуйствовав часа полтора, ливень внезапно прекратился. И почти тотчас над всё ещё не утихомирившейся речкой взвилась ракета, на несколько секунд выхватившая из мрака часть неузнаваемо изменившегося ущелья: там, где совсем недавно высилась отвесная скала, образовался отлогий спуск — подмытая скала обрушилась; прибрежные заросли орешника исчезли, будто их срезало гигантским плугом; из речки там и тут торчали огромные камни, по которым можно, не замочив ног, перебраться на противоположную сторону.

Ракета была сигналом тревоги — она извещала, что через границу перешёл враг.

«В случае тревоги вам следует идти на помощь соседнему наряду...» — предупреждал начальник заставы.

Орлов и Савин вскочили и побежали в ту сторону, где только что погас ослепительно зелёный шар.

Вскоре к месту происшествия прискакала группа конных пограничников во главе с самим начальником. Они тщательно обыскиали все ближайшие расселины и тропы. Было ясно, что нарушитель каким-то образом ухитрился перейти через речку во время ливня: находившийся левее Орлова и Савина наряд, освещая скалы следовым фонарём, обнаружил на одной из них свежую царапину, оставленную каким-то острым предметом.

Начальник заставы осмотрел ничем, казалось бы, не примечательную царапину и сказал, что нарушитель, без сомнения, ловкий, сильный, и если он рискнул перебраться через речку в такую нена погоду, то, следовательно, это очень опытный враг.

Поиск нарушителя в горах, среди ущелий, обрывов и утёсов, намного сложнее, чем где-нибудь в степи или даже в пустыне: на голых скалах трудно обнаружить следы, но особенно трудно найти их ночью, да еще после тропического ливня, который уничтожил многие знакомые ориентиры и размыл тропы.

Начальник разделил пограничников попарно, и они начали подниматься по южному склону малого хребта, быстро и в то же время тщательно осматривая каждую расселину, каждый выступ, каждую впадину и каждый куст.

Орлову и Савину, как наиболее опытным, было поручено осмотреть козью тропу, ведущую на самую крутую излучину хребта. Трудно было предположить, что нарушитель рискнёт направиться ночью по этой головокружительной тропе, крайне опасной даже днём, однако начальник заставы счёл необходимым проверить и её.

...Над хребтом забрезжила робкая, словно не уверенная в своих силах, заря. Из ущелья потянулись

космы белесо-сизого густого тумана. Где-то тоскливо кричала невидимая ранняя птица.

До гребня хребта оставалось ещё метров двести, но именно эти последние двести метров и были самыми трудными; козья тропа взбиралась теперь под углом чуть ли не в шестьдесят градусов, по узенькому карнизу, выступавшему из отвесного гранитного сброса.

Орлов и Савин вскарабкались ещё немного и выпуждены были остановиться: тропу рассекла трещина метра в три шириной — результат ночного обвала. Пётр подполз к зазубренному сё краю и заглянул вниз. Дно трещины терялось в густом сумраке.

Три метра... Для легконогих туров и козлов — сущий пустяк, но разве может без разбега перепрыгнуть через трёхметровую трещину человек?

— Лихо! — не удержавшись, прошептал Савин. — Карабкались, карабкались и всё понапрасну! Ясное дело — нарушитель здесь не проходил. Не на крыльях же он перелетел?

— Он туда полез,— кивнул Орлов влево, где в толще нависшей над тропой бурой скалы темнела узкая извилистая расселина. Она тянулась кверху почти вертикально.

— Здесь! — тихо, но убеждённо повторил Пётр, тщательно исследовав расселину.

Приподнявшись на носки, он нащупал руками свежую глубокую царапину на граните, прочерченную каким-то острым металлическим предметом.

— У него альпинистский ледоруб, — сказал Пётр и, упираясь ногами и руками в края расселины, полез наверх...

Солнце застало Орлова и Савина на крохотной каменной террасе, усыпанной острым щебнем. Терраса переходила в новую узкую вертикальную щель.

Пётр опустился на четвереньки и посмотрел в направлении, пересекающем полого падающие солнечные

лучи. Затенённые углубления в щебне не оставляли никаких сомнений — это следы человека.

— Винтовку приготовь, — прошептал Пётр и перекинул автомат со спины на грудь.

Щель вывела пограничников на воронкообразную площадку, от которой тропа набирала такую крутизну, что кружилась голова.

Савин невольно ухватился за гранитный выступ и смущённо посмотрел на товарища: смуглое широко-скулое лицо Орлова, покрытое мелкими бисеринками пота, было полно решимости.

— Пошли, пошли! — прошептал сержант. Он хотел ещё что-то сказать и умолк. Откуда-то сверху послышался зловещий гул, нараставший с такой стремительностью, что Орлов и Савин одновременно сообразили, в чём дело, и побежали в разные стороны.

По крутому склону, подпрыгивая, словно гигантские мячи, катились камни. Пётр не успел увернуться, и один из камней задел его за коленку, едва не сбив с ног. Сержант предостерегающе окликнул Савина, но тот не расслышал товарища. А со склона уже неслась грохочущая лавина. Это был камнепад. Пётр прикрыл голову руками и втиснулся в первую попавшуюся расщелину.

Глыбы камня с пушечным гулом плюхались на площадку, снова подпрыгивали и, погоня одна другую, низвергались в ущелье, круша всё на своём пути. Следом за ними сверху посыпались тысячи мелких камней, смешанных со щебнем.

Наконец, зловещий грохот, отражённый многоголосым горным эхом, замер. Лишь туча густой пыли да огромная груда щебня, заполнившая воронкообразную площадку, напоминали о только что происшедшей катастрофе.

Протерев забитые пылью глаза, Пётр осмотрелся, выждал несколько минут и с трудом выбрался из

полузасыпанной расщелины. Савина на площадке не было.

Левое колено распухло, каждое движение вызывало нестерпимую, резкую боль, но Пётр не обращал на это внимания — так потрясла его внезапная гибель товарища.

А враг? Неужели враг уйдёт? С ненавистью глянув вверх, Пётр полез по острым камням. Гимнастёрка и брюки были изодраны в клочья. Из порезов на руках и ногах сочилась кровь, а он всё полз и полз, напрягая мускулы, стиснув зубы, тяжело дыша, забыв о жажде, боли в ноге, отдавшись одному всепоглощающему желанию — настигнуть врага!

Во имя чего пробирался враг в советский тыл? Во имя денег, в погоне за тем, чтобы, сделав чёрное дело, попытаться вернуться обратно за границу и положить тысячи долларов на свой текущий счёт в банке. Только нажива манила врага, только из-за неё он рисковал своей шкурой. Он был здоров, ловок, натренирован, но в душе у него не было ничего, кроме злобы, подлости и страха: как бы не угодить в руки советских разведчиков.

На стороне Петра была твёрдая вера в величие того дела, которому он служил. Она придавала ему силы.

Пётр не думал о себе, он думал о советских людях. Не злоба и страх, а священное чувство долга и ненависти к врагу владели его душой.

Покрасневшие, воспалённые глаза были устремлены вперёд. И вот из груди Петра чуть было не вырвался ликующий крик: прямо перед ним, метрах в сорока, совсем не таясь, шёл по гранитному карнизу высокий человек с небольшим рюкзаком за плечами и альпинистским ледорубом в руке. Миновав карниз, он сел на камень, достал что-то из рюкзака и с жадностью стал есть, затем отвинтил пробку фляжки и прильнул к ней.

Облизнув пересохшие губы, Пётр поставил переводчик автомата на автоматическую стрельбу и, стараясь не производить ни малейшего шума, пополз от камня к камню, волоча левую ногу.

Нарушитель, убеждённый, что здесь-то уж он в полной безопасности, встал и спокойно начал карабкаться дальше. Это был широкоплечий молодой человек. Пётр карабкался за ним следом как только мог быстро. Когда уже были различимы складки кожи на загорелой мускулистой шее врага, сержант прицелился и крикнул:

— Руки вверх! Не оборачиваться!..

Нарушитель невозмутимо, будто только и дожидался этой команды, поднял руки и вдруг стремительно прыгнул вправо.

Пётр выстрелил. Он готов был поклясться, что попал нарушителю в ногу, но, повидямому, рана оказалась лёгкой, так как тот скрылся за поворотом скалы.

Прячась за камни, противники несколько раз безрезультатно обстреляли друг друга. Враг упорно продолжал взбираться на хребет. Пётр настойчиво преследовал его, однако нарушитель находился в более выгодном положении — на несколько десятков метров выше, к тому же Петру мешала ушибленная нога, и с каждой минутой расстояние между ними всё увеличивалось. Наконец, враг совсем исчез из виду.

Сначала сержант находил след по пятнам крови на камнях, но вскоре и их не стало — враг сумел перевязать рану.

Погоня продолжалась почти целый день. К закату солнца Пётр добрался до гребня злополучного утёса. Здесь и произошёл тот случай, который поставил его в едва ли не безвыходное положение...

4

Вися над пропастью, Пётр лихорадочно соображал, что же следует предпринять. Предпринять не только

для спасения своей жизни, но и для того, чтобы перехитрить и захватить врага. Вероятнее всего, тот полагает, что ему удалось убить пограничника. Проверить это враг не в состоянии: из каменистой впадины на крутой утёс не взобраться. А раз так, он, безусловно, станет некоторое время выжидать, и если даже Пётр сможет подтянуться на руках, тот снова выстрелит в него.

Сержант ещё раз посмотрел в пропасть, и у него возник дерзкий план.

В первую очередь нужно освободить правую руку: с одной свободной рукой ничего не сделать. Пётр крепче ухватился левой рукой за гранитный зубец, чуть-чуть отодвинулся от скалы и приподнял автомат. Передохнув секунду — другую, осторожно перекинул заплочный ремень через голову и отпустил: теперь автомат висел за спиной. После этого Пётр протянул вверх правую руку, нащупал второй гранитный выступ и ухватился за него.

Всё это заняло не больше минуты, но она показалась Петру часом. Облегчённо вздохнув, он опустил занемевшую левую руку, попутно смахнув со лба пот.

В это мгновение над головой что-то прошумело. Большая чёрная тень пронеслась по скале, внезапный порыв ветра зашевелил волосы.

Пётр поднял глаза и увидел, что на гранитный гребень, рядом с кистью его руки, сел огромный орёл. Длинные, круто загнутые когти цепко впились в твёрдый камень. Приплюснутая голова с крючковатым клювом повернулась в сторону пограничника.

Пётр встретился взглядом с холодно-чёрными глазами птицы. Стоит орлу вцепиться когтями в руку человека, и человек низвергнется в пропасть. Впрочем, для этого будет достаточно и двух-трёх ударов могучих крыльев.

Многие, очутившись на месте Орлова, начали бы махать рукой, чтобы отогнать птицу, но Пётр не сделал этого. Он знал, что если поблизости находится гнездо, то не к чему злить и без того встревоженного хитняка.

В то же время Пётр сразу оценил невольную услугу, оказанную ему орлом: конечно, враг тоже наблюдает сейчас за птицей, но ему и в голову не придёт, что та спокойно сидит рядом с человеком. Враг решит, что пограничника на скале нет.

Как ни трагично было положение, сержант не смог сдержать улыбку и, смело глядя в глаза орлу, прошептал:

— Здравствуй, однофамилец!

Услыхав человеческий голос, орёл склонил голову набок, как бы выражая удивление.

— Чего уставился? — властно прошептал Пётр. — Лети!

Словно вняв настойчивому совету, орёл медленно расправил крылья, взмахнул ими и как-то боком, боком взмыл над пропастью.

— Так-то лучше! — удовлетворённо пробормотал Пётр и ухватился второй рукой за гранитный выступ.

Держаться стало значительно легче, и сержант немедленно приступил к осуществлению своего плана.

Правее, метрах в семи от того места, где находился Орлов, скала более полого спускалась вниз; оттуда можно будет сползти к площадке, на которой находится орлиное гнездо, от гнезда пробраться по идущей вправо расселине к основанию утёса и затем постараться незаметно спуститься на его восточную сторону — во впадину.

Главная и самая трудная задача — преодолеть именно первые семь метров. А это можно осуществить только одним способом: поочерёдно перехватываясь руками.

Движением плеч Пётр передвинул автомат дальше за спину, легонько оттолкнулся носком правой ноги от гранитного выступа, одновременно перенёс правую руку немного вправо, нащупал в скале небольшую трещину, уцепился за неё, тотчас ухватился левой рукой за освободившийся гранитный зубец и вдруг почувствовал такую острую боль в ушибленной коленке, что в течение нескольких секунд не мог пошевелиться.

Так, вися над пропастью, напрягая остатки сил, Пётр преодолел несколько метров.

Солнце скрылось за тучей, сразу стало холодно, сильнее подул ветер. Только на западе, где ущелье переходило в широкую долину, было попрежнему солнечно и стояла предвечерняя тишина. На склонах гор зеленели пастбища. Ещё дальше, внизу, раскинулись сады, табачные плантации, виноградники и среди них весёлые белые домики приграничного села и блестящая гладь пруда колхозной гидроэлектростанции. По дороге пылила колонна автомашин. На передней развевалось красное знамя: колхозники из ближайших колхозов ехали в «Маяк коммунизма» на праздник. Там была и Кето.

Всё это сейчас было за плечами Петра, невидимое, но осязаемое сердцем, близкое, родное, своё...

Ветер внезапно утих. Вдруг потемнело. Первые крупные капли дождя упали на голову, дробно застучали по утёсу. Чуть ли не за самой спиной оглушающе треснул гром. До намеченной Петром точки осталось ещё метра четыре.

И опять, второй раз в сутки, грянул ливень.

Казалось, всё обернулось против Петра. А он, оглушённый непрерывным громом, ослеплённый молнией, мокрый, изнемогающий от невероятного напряжения всех сил, продолжал сантиметр за сантиметром продвигаться к своей цели.

Вот молния снова и снова осветила ущелье. Гнездо внизу! Пётр разжал пальцы и стремительно съехал по мокрому шершавому граниту, ударившись больной ногой о хворост.

Как Пётр добрался до основания утёса? Как очутился в злосчастной впадине? Он не мог бы толком рассказать об этом. Что такое физическая боль и любая опасность в сравнении с тем, во имя чего Пётр их переносил!..

Ливень затопил дно каменистой впадины. Не предполагая этого, Пётр неожиданно окупнулся в холодную воду. Вынырнув, он поднял над головой автомат и прислушался. Скоротечная гроза уходила на запад, к Чёрному морю. Вспышки молнии и раскаты грома с каждой минутой становились всё слабее и слабее.

Пётр на несколько мгновений затаил дыхание. Ни малейшего звука! Тогда он снова нырнул и прислушался. Лёгкий скрежет отчётливо прозвучал в ушах.

«Он идёт сюда, это задевают о камни подошвы его горных ботинок... Ну, держись!»

...Начальник заставы, Савин и ещё два пограничника нашли сержанта Орлова на рассвете вторых суток. Он сидел на камнях, вытянув больную ногу, держа палец на спусковом крючке автомата. Нарушитель лежал лицом вниз, со связанными руками.

— Жив! — только и мог произнести обрадованный Пётр, увидев Савина.

— Меня прямо в пещеру сбilo, — улыбнулся Савин. — Страху натерпелся, а так всё в порядке...

— На заставе побеседуем, — перебил друзей начальник.

Савин тщательно обыскал сначала одежду и обувь нарушителя, потом рюкзак.

Начальник так же внимательно осматривал каждую найденную у врага вещь, время от времени произнося корстные фразы:

— Пистолетов два — американские, патронов к ним семь обойм... Компас в герметическом футляре — английский... Часы ручные со светящимся циферблатом — швейцарские... Ручных гранат три — американские... Фотоаппарат «Лейка» — немецкий... Автоматическая ручка фирмы «Паркер»...

Начальник снова осмотрел ручку и, усмехнувшись, качнул головой:

— Хитро, но старо — однозарядный пистолет, а не ручка.

Связанный нарушитель поглядывал то на дула винтовки и автомата, наставленные на него, то на офицера в погонах с зелёными просветами, то совсем мельком, исподлобья, на молодого сержанта в мокром, порванном о камни обмундировании.

— Кофе в таблетках — бывшее американское — всё размокло, — продолжал начальник. — Карта Кавказа, двухвёрстка, на русском языке... Чеснок, конечно, турецкий... Галеты — американские... Та-ак, — протянул капитан, рассматривая что-то на свет. — Десять ампул с жидкостью коричневого цвета. В лаборатории определяют, что это значит...

— Товарищ капитан, разрешите обратиться?.. Это что за прибор? — Савин протянул начальнику какую-то коробочку с дугообразной шкалой и стрелкой. — На компас не похоже.

— Это? — Начальник взял коробочку. — Это электроконтактный взрыватель. Для туриста штука явно бесполезная.

— Ну и персона! — не удержался Пётр, зло глянув на врага.

— Целых три персоны, — поправил начальник, извлекая из-за подкладки куртки нарушителя два фальшивых советских паспорта и мореходную книжку...

Чтобы постронть большой железнодорожный мост, для этого требуются тысячи людей. Но для того, чтобы

его взорвать, на это достаточно всего нескольких человек. Пётр вспомнил слова Сталина, и его охватило чувство радости и гордости: он был счастлив, что достиг и задержал врага. Хорошо, что Пётр не убил его, а только ранил да оглушил сегодняшней ночью прикладом автомата: шпион расскажет, кто и зачем его послал...

Рана у нарушителя оказалась лёгкой — он мог идти сам. Пётр же не был в состоянии сделать ни шагу.

— Фуражку мою достаньте, — улынувшись, попросил он, когда его подняли сильные руки товарищей. — Она там, за утёсом, в орлином гнезде...

СОЛДАТЫ ДЗЕРЖИНСКОГО

Небольшой конный отряд — двадцать красноармейцев, командир и проводник — медленно пробирался сквозь Уссурийскую тайгу по едва заметным звериным тропам. Проводник Фёдор Иванович Кротенков — он один хорошо знал эти места — намеренно углубился в самую чащобу.

Сначала командир отряда Кузнецов отверг было предложение проводника: зачем удлинять и без того долгий путь, но верстах в пятидесяти от Никольск-Уссурийска они неожиданно обнаружили следы большого бивака.

— Назаровцы либо шубинцы, — убеждённо сказал Кротенков.

— А может быть, охотники? — усомнился командир.

— Гляди! — Фёдор Иванович хмуро кивнул на деревья. — Охотники не станут зря лес калечить.

Действительно, многие ели и сосны были порублены самым безжалостным и, главное, бессмысленным образом.

Проводник и Кузнецов обошли чужую стоянку. Фёдор Иванович показал командиру на следы многочисленных сапог (охотники носят унты) и на отпечатки, оставленные в снегу прикладами стоявших в козлах винтовок (японские винтовки).

Нагнувшись, проводник подобрал окурки американских сигарет (охотники курят трубки) и, в довершение всего, нашёл под кустом шкуру кабарги (охотник не бросит шкуру убитого зверя).

— Их тут было человек пятьдесят,— сказал Фёдор Иванович, снова всматриваясь в следы.

— И к тому же с «максимом»,— добавил командир: от бивака тянулись в лес широко расставленные параллельные лыжни.

Кузнецов задумался: хорошо бы выследить и ликвидировать эту банду. Снег не успел ещё засыпать следы, значит, беляки снялись отсюда не раньше вчерашнего утра — последняя пурга была вчера утром. Только чорт их знает, куда они направились, а отряду поставлено категорическое условие: без потерь и возможно быстрее пройти в назначенное место.

— Резона нет,— рассудительно ответил Кротенков: — наскочишь негаданно, и перещёлкают из-за кустов. Сам говоришь, что у них станковый пулемёт. Нам лучше чащей итти...

На пятый день пути отряд снова обнаружил чью-то недавнюю стоянку.

— Охотники,— с одного взгляда определил Фёдор Иванович,— соболевщики. Три человека. Луки делали,— добавил он, поворошив носком валенка слегка запорошённые снегом древесные стружки.

В тот же день всадинки миновали полуразваленную, брошенную китайскую фанзу. Кротенков по-

просил командира на минутку остановиться и вместе с ним вошёл в небольшую глинобитную, крытую соломой хижину без потолка. Промасленная бумага в решётчатых окнах давно была порвана, и в фанзу несло много снега.

Кузнецов посмотрел на закопчённые дочерня стены, на давным-давно потухший очаг и, недоумевая, перевёл взгляд на проводника.

— Это фанза Син Хо,— с грустью сказал Фёдор Иванович. — Он спас меня после «тысячи смертей». Неужели изверги убили его?.. — Проводник подошёл к стене и ощупал огрубевшими пальцами многочисленные отверстия от пуль.— Из пулемёта садили...

Отряд тронулся дальше. Таёжное безмолвие нарушалось однообразным щёлканьем клестов, лущивших еловые шишки, похрустываньем валежника да тяжёлым дыханием приморившихся лошадей.

Вскоре тайга немного поредела. Снег лежал неровно: в распадках кони по грудь увязали в сугробах; на склонах сопок, с подветренной стороны, он едва прикрывал выцветшие прошлогодние травы. Местами земля вовсе была обнажена и звенела под коваными копытами.

Кротенков — бойцы его звали Дедом: он носил тёмнорыжую, торчащую в разные стороны бороду — ехал в голове отряда на мохноногой, до удивления низкорослой и в то же время чрезвычайно выносливой и неприхотливой сибирке. Чуткая лошадь косила янтарный глаз на заросли кустарника и прядала заиндевевшими ушами,— вероятно, где-то поблизости притаились изюбры.

Три месяца минуло с тех пор, как из Владивостокской бухты Золотой Рог удрал последний японский крейсер, а Фёдору Ивановичу всё ещё не удалось побывать в родном Сучане, где его ждали жена Даша и

пятилетний сын Антон, который в отсутствие отца начал и ходить, и разговаривать.

Кротенков машинально посасывал кончики обкуренных усов и думал о своей судьбе, не забывая, однако, внимательно вглядываться в тайгу.

Не только из-за семьи стремился он в Сучан: Фёдор Иванович как наяву представлял себе и широкую долину, где размещался рабочий посёлок, и надшахтные копры, и то, что в ладонях у него вместо ремennого поводка рукоятка обушка.

Распростившись с боевыми товарищами — он три года с лишним командовал действовавшим в Уссурийском крае партизанским отрядом «Красный шахтёр», — Фёдор Иванович совсем было собрался домой, как вдруг в начале февраля его вызвали в Особый отдел Никольск-Уссурийской Чрезвычайной Комиссии и попросили направиться совсем в другую сторону.

— Опять, выходит, воевать? — спросил Дед. Честно признаться, он порядком-таки устал за эти годы: поколеси-ка сорок месяцев по тайге да болотам, и всё с боями.

— Не совсем так, но вроде, — сказал начальник Особого отдела. — Правительство приказало нам взять под охрану государственную границу.

— Сам Владимир Ильич? — спросил Кротенков.

После утвердительного ответа он немедленно дал своё согласие.

Начальник объяснил, что Деду предстоит провести одну из групп пограничников до старого кордона на границе с Маньчжурией.

— Значит, контрабандистов ловить станете? Дело! До шута их расплодилось: спиртоносы, пантовщики, жень-шеньщики...

— И контрабандистов, — подтвердил начальник. — Значит, договорились: доведёшь ребят до границы — и домой. Места тебе знакомые.

— Не заблудимся! — уверенно сказал Кротенков, мысленно прикидывая, каким путём им лучше направиться.

И вот пошёл девятый день, как отряд пробирался сквозь Уссурийскую тайгу.

«Бедно живём», — хмурился Фёдор Иванович, поглядывая на своих спутников. Пограничники были одеты кто во что горазд: кто в полную красноармейскую форму, кто в трофейную рыжую шинелишку, кто в полушубок. Но у всех на будённовках и шапках алели красные звёзды.

Оружие тоже разнокалиберное: у кого русская трёхлинейка или берданка, у кого японский или американский карабин, у двоих бойцов не было и берданок, а только старые наганы.

У самого Деда за спиной висела трёхлинейка, сбодку побрякивала о седло длинная самурайская шашка в кожаных ножнах, украшенных накладными драконами и иероглифами — заклинаниями. Фёдор Иванович носил её как память о бое под Ивановкой, где в двадцатом году разыгралась страшная трагедия.

Заподозрив жителей Ивановки в связи с партизанами, каратели до основания снесли мирную деревню ураганным артиллерийским огнём. Из-под обугленных развалин онемевшие от горя и гнева партизаны вытащили около трёхсот трупов детей, женщин и стариков.

— По коням! — скомандовал тогда Кротенков.

Партизаны настигли роту карателей.

В ожесточённой рукопашной японский офицер изуродовал Фёдору Ивановичу левую щёку шашкой. Фёдор Иванович приподнялся на стременах, вырвал у самурая шашку и наотмашь развалил его от плеча до пояса.

Чтобы скрыть шрам, Фёдор Иванович отрастил бороду, и с тех пор, несмотря на то, что ему не исполнилось и тридцати пяти лет, его стали звать Дедом.

Командир пограничников Семён Кузнецов ехал бок о бок с Кротенковым. По его уверенной, лёгкой посадке Фёдор Иванович сразу определил, что Кузнецов бывалый и смелый конник.

— Трудновато тут будет,— сказал командир, глядя на разлапистые кедры, кондовые ели и могучие ясени, переплетённые тугими лианами, прогнувшимися под тяжестью снега.

— Зато летом красота,— оживился Дед. — Летом сопки, словно бабы на ярмарке,— все в цветах. Дожди у нас щедрые — каждая капля с ягоду, потому и растения буйные. А воздух, чуешь, какой! Нигде такого духовитого воздуха нет!

Фёдор Иванович сразу догадался, о чём думает молодой чекист: шутка сказать, охранять участок границы длиной в тридцать вёрст, по полторы версты на брата!

Неожиданно лошади остановились. Кузнецов натянул повод и почувствовал, что его Серко дрожит.

Кротенков поспешно снял с плеча винтовку. Командир знал, что тот зря ничего не делает, и, не мешкая, последовал его примеру. Дед привстал в седле и подался вперёд, держа палец на спусковом крючке.

«Назаровцы!..» — Кузнецов поднял левую руку, чтобы предупредить ехавших сзади бойцов.

— Погляди на снег,— прошептал Фёдор Иванович.

На снегу виднелись отпечатки огромных кошачьих лап. Тигр.

В безмолвном ожидании прошло несколько секунд. Наконец, Дед спокойным жестом перекинул ремень винтовки через плечо.

— Поехали! Во-первых, нас много, а во-вторых, он сыт: он тащил кабанчика, видишь — кровь на снегу...

Лошади всё ещё волновались, но послушались команды и взяли шаг.

— Коней береги,— посоветовал Дед Кузнецову. —

Тигры очень до них охочи. У нас в позапрошлом году самец с самкой трёх коней в одну ночь загрызли.

...На место прибыли на десятые сутки к вечеру. Дед вывел отряд по Золотой пади прямо к старому пограничному кордону. Кузнецов сказал, что кордон теперь будет называться заставой.

— А почему этот овраг зовут «Золотым»? — спросил он, разглядывая извлечённую из походной сумки карту-двухвёрстку.

— Не овраг — падь, — поправил Фёдор Иванович. — Золото тут раньше казаки мыли.

— Отлично! Богатое, значит, место. А речка как называется? — командир указал на текущую по дну пади шумливую незамерзающую речку.

— Тоже Золотая.

— Ну, значит, и заставу так назовём...

Речка, давшая, таким образом, название заставе, быстрым, озорным ручьём появлялась в отрогах приграничного хребта, причудливо крутилась между сопками и, перерезав заболоченную низину, впадала в большое озеро.

Застава помещалась в верхнем течении речки, где ширина её не превышала и трёх сажен. В обрамлённые снегом воды смотрелись низкорослые дубы с уцелевшими кое-где ржавыми листьями, клёны, длинные и корявые дикие яблони, насторожившиеся ели.

Заставу — низкий, вытянутый в длину бревенчатый дом — окружало несколько приземистых хибарок.

— Это конюшня, это баня, а то склад, — пояснил Дед.

— Была когда-то конюшня, — мрачно изрёк командир, осматривая полуразвалившееся строение.

— Руки приложить придётся, — подтвердил Фёдор Иванович, — зато дом крепкий. Мы в двадцать первом году тут месяца два стояли.

«Крепкий дом» оказался не в лучшем состоянии, чем конюшня: стёкла в окнах выбиты, двери сорваны с петель, печка сломана. Однако выбирать было не из чего, и, заткнув окна мешками и еловыми ветками, пограничники легли спать.

— Золото, одним словом,— пошутил красноармеец Панюшкин, располагаясь с товарищами на запорошённом снегом полу.

Кузнецов напомнил, чтобы никто не вздумал петь или зажигать спичек (поблизости могли быть бандиты), и назначил четверых бойцов, из тех, что потеплее одеты, часовыми.

— Пойдём, Фёдор Иванович, побеседуем,— сказал он Деду, сделав все нужные распоряжения.

Они вышли на свежий воздух. С трёх сторон к заставе подступала тайга. Щетинистые тёмносерые сопки высились вокруг. Золотая падь шла перпендикулярно границе, ветры настойчиво дули вдоль неё, будто в гигантской трубе, отчего снега тут было совсем мало.

— Мороз завтра ударит,— сказал Дед, посмотрев на помутневшую луну, окружённую светлыми кольцами.

— А как насчёт живности? — поёживаясь от холода, тихо спросил Кузнецов. — Людям кушать надо будет, а на губернию расчёт пока плохой.

— Кабанов пропасть, самая лучшая пища. Только учти, что на старого секача-самца итти опасно: промахнёшься — задерёт; охоться на самок и на молодых. Зимой ищи их в кедровнике, летом в падах, а осенью под дубами — охочи они до жолудей.

Командир промолчал, взглядываясь в скрадываемые сумраком мохнатые горбатые сопки. Фёдор Иванович глянул сбоку на молодое лицо чекиста: русая прядь волос выбилась из-под козырька на самые брови, светлосерые глаза сосредоточенно серьёзные, над юно-

шески пухлой верхней губой едва-едва пробиваются усики.

— Давненько воюешь?

— С восемнадцатого.

— А с пулей где поцеловался? — Фёдор Иванович ещё в первую встречу заметил на шее Кузнецова яркорозовую полосу.

— Под Одессой. Я служил у Котовского.

— Геройский, сказывают, человек! — восхищённо произнёс Дед.

— Редкостный! — Глаза Кузнецова потеплели при напоминании о любимом комбриге. — Мы вместе с ним на Днестр вышли, на границу.

— Каким же путём тебя к нам закинуло? — полюбопытствовал Дед. — Командировали?

— Сам попросился. «Владивосток далеко, но, ведь, это город-то нашенский!» — улыбнулся Кузнецов. — Я как услышал, что Владимир Ильич это сказал, так пока лишился: поеду — и баста!

— Неужели ты Ленина видел? — восхищённо спросил Кротенков.

— Как тебя. Двадцатого ноября прошлого года на пленуме Московского Совета. Я тогда учился в школе ВЦИК.

— Ильич знает, что означает для России Дальний Восток! — с гордостью сказал Дед. — Неспроста японцы с американцами, словно медведи на мёд, зарылись на наши края, а как только Ильич послал под Пермь товарища Сталина — тут Колчаку крышка. Мы здесь, по силе возможности, тоже помогли самураям пятки смазать.

Ничто не могло лучше расположить Фёдора Ивановича к пограничнику, как известие, что тот самолично пожелал служить в Приморье. Кажется, если была бы возможность, Фёдор Иванович уговорил бы приехать сюда целый миллион человек. Конечно, не из таких,

кто ищет лёгкой жизни, а жадных до труда — шахтёров, слесарей, пахарей. Да что миллион! Прикатили бы все десять, для всех десяти найдётся место и работа.

Дед размечтался. Он уже видел мысленно, как эти жадные до труда люди навезли сюда машин, весело корчуют тайгу, рубят русские избы, командуют реками и, конечно, закладывают новые шахты. В Сучане каждый бы шахтёр на время потеснился — пустил бы в свою хату хоть десять человек: «Милости просим, располагайтесь, как дома!..»

— Сегодня, наверное, всё спокойно обойдётся? — прервал Кузнецов радужные мечты Деда.

— Как сказать, не зарекайся, — откликнулся Фёдор Иванович. — Назаров должен быть тут поблизости.

Назаров, бывший полковник царской армии, после разгрома интервентов организовал крупную банду, которая рыскала где-то в этих местах, нападая на редкие сёла и красноармейские отряды.

— Завтра уезжаешь, значит? — спросил вдруг Кузнецов.

— Завтра, думаю, — нехотя ответил Фёдор Иванович.

— Ну, ну, — протянул Кузнецов. Он ничего не сказал больше, но Дед понял, что пограничнику не хочется так скоро расставаться с ним.

— Ждали меня в Сучане, — словно извиняясь, сказал Фёдор Иванович, — отдохну малость, да и уголёк рубать пора...

Однако вышло так, что Кротенков не уехал в Сучан ни завтра, ни через неделю. Утром он направился с Кузнецовым и двумя бойцами по участку показать им, где проходит линия границы.

На луках сёдел лежали стволы винтовок. Спускаясь с сопок, кони прибавили шагу, и было слышно, как поёживают их селёзёнки. Ветер переменился и дул те-

перь с северо-запада. Заметно похолодало. Над речкой стоял туман.

— Столбы придётся ставить. — Дед показал на замшелый камень, служивший пограничным знаком.

— С гербом советским, — добавил Кузнецов.

На сопке Кабаньей — вершина её совсем голая, похожая на вздёрнутую кверху кабанью морду, — их обстреляли с маньчжурской стороны.

— Вот окаянная сила! — зло пробормотал Дед, когда напуганные выстрелами кони вынесли их на седний холм. — Первым нас Назаров увидел...

Ночью на заставе никто не ложился. Кузнецов придирчиво осмотрел у бойцов оружие и приказал не смыкать глаз.

Часовые охраняли заставу со всех сторон, но Назаров так и не появился.

Фёдор Иванович не рискнул даже заикнуться о своём отъезде, а Кузнецов и не намекнул об этом.

Кроме того, надо было помочь пограничникам советом: как поскорее и лучше отремонтировать заставу, где удачливее охота на кабанов, в каком месте выгоднее отрыть окопы на случай нападения бандитов.

Словом, Дед задержался.

А вскоре начались чрезвычайные происшествия, как их назвал командир.

Двадцать восьмого февраля пограничник Панюшкин задержал на границе сразу трёх контрабандистов. Они направлялись в Маньчжурию с тюками, набитыми шкурками соболя и рогами пятнистых оленей — пантами.

Контрабандисты настолько привыкли к тому, что за последние годы граница не охранялась, что шли, совершенно не таясь. Они предложили Панюшкину десять шкурок соболя и были поражены, что боец, отказавшись от взятки, привёл их на заставу.

Первого марта пограничники Голубев и Рябов

вступили в перестрелку с десятком назаровцев и отогнали их от границы. Видимо, узнав о появлении на кордоне чекистов, Назаров прощупывал их силы.

Второй день марта ознаменовался новым происшествием: часовой у заставы заметил, что кто-то осторожно выглядывает из-за ели, и щёлкнул затвором винтовки, загоняя патрон в канал ствола.

— Твоя не стреляй, моя хороша,— раздался испуганный возглас. Из-за ели вышел старик в треухе, в куртке и штанах, сшитых из шкуры изюбра, в мягких меховых унтах. С опаской поглядев на винтовку, он вдруг заулыбался и показал пальцем на звезду, украшавшую шлем пограничника:

— Твоя красный, хороша! Зови красный начальника.

Как раз в это время Кузнецов и Дед вышли из дома, и, к немалому изумлению чекиста, Фёдор Иванович бросился к незнакомцу и заключил его в объятия.

— Син Хо! Син Хо! — повторял он. — Жив, старина! Откуда ты взялся? Я заходил в твою фанзу. Никого нет, один снег. Это Син Хо,— радостно улыбаясь, объяснил Дед Кузнецову. — Помнишь, я тебе говорил, что он спас меня после «тысячи смертей».

Обрадованный китаец рассказал, что японцы ночью обстреляли его фанзу, но он с сыном успел убежать, и целый год они жили в тайге, потом добрались до китайской деревни в Маньчжурии, где и поселились. Недавно Син Хо услышал добрую весть, что в Золотую падь пришли красные солдаты. Син Хо просит начальника спасти маньчжурскую деревню от полковника Назарова. Солдаты Назарова хуже тигров: они грабят бедных крестьян и насилуют их дочерей.

Кузнецову и Деду стоило большого труда объяснить старику, что красные пограничники не могут нарушать границу, а если Назаров попытается притти сюда, то они разобьют его здесь.

— Твоя фанза цела, отремонтируешь немного — и живи, — убеждал Фёдор Иванович старого друга. — Начальник, — Дед показал на Кузнецова, — не даст Син Хо в обиду. Начальника и красных солдат прислал сам Ленин. Японцев здесь больше нет, — партизан выразительно поддал коленкой. — Где твой сын?

— Мо Жо! — позвал старик.

Из-за ели вышел молодой китаец.

— Вот и хорошо! — воскликнул Кротенков.

Но теперь пришла его очередь удивляться. Кузнецов отозвал его в сторонку и тихо сказал, что не в праве разрешить Син Хо и его сыну здесь жить. Они пришли из-за границы.

Кротенков от изумления широко раскрыл глаза.

— Разрешить может только Никольск-Уссурийск, — настойчиво сказал чекист.

— Хорошо, я сам сведу их к начальнику Особого отдела, — сказал Дед. Он даже обрадовался, что таким образом скорее попадёт домой. Ведь, кроме Син Хо с сыном, надо доставить в Никольск-Уссурийск трёх контрабандистов.

На том и порешили.

— Завтра и пойду, — объявил Кротенков.

Но завтра, отправившись рано утром за кабаном, он вместо кабана поймал совсем другую дичь.

Приехав с поверки нарядов, Кузнецов даже опешил от неожиданности: перед заставой стоял японец, руки у него были связаны за спиной, под левым глазом темнел здоровенный синяк.

Напротив японца прохаживался Фёдор Иванович Кротенков. Кузнецов никогда ещё не видел Деда в такой ярости. Чуть поодаль стояли пограничник Рябов и Син Хо.

— Видал кабанчика?! — выкрикнул партизан, повернувшись к командиру. — Вздумал угостить меня джиуджитсу.

Дед так выразительно потряс большим костистым кулаком перед самым носом японца, что тот в страхе отшатнулся.

— В чём дело? Доложите по порядку,— предложил Кузнецов, едва сдерживая невольную улыбку.

Фёдор Иванович метнул в сторону японца взгляд, полный ненависти, стал смирно и доложил, как и где захватил самурая.

Чтобы не производить шума близ заставы, Дед отправился на охоту подальше от границы, в дальний кедровник. Он долго лежал в кустах с подветренной стороны у облюбованного кабанями места и, наконец, увидел самку с тремя поросятами. Мясо на дорогу будет! И вдруг кем-то напуганные кабаны стремительно шарахнулись влево.

Не тигр ли это? Дед замер. Ему ещё не доводилось встречаться с хозяином тайги один на один.

— А вместо тигра-то на меня вылез вот этот негодяй,— волнуясь, рассказывал Фёдор Иванович.— В руке «монтекрист» держит,— Дед презрительно кивнул на лежащий на земле лёгкий карабин.— Я выскочил и схватил самурая за руку. А он, гнилая душа, вздумал пинать меня в живот. Ну, раз не хочешь подброду — получай: пришлось о его сопатку руку мять...

«Откуда в тайге японец? Куда шёл? Зачем?» — думал Кузнецов, рассматривая самурая, высокомерно поджавшего губы.

— Вы его обыскали?

— Всё, как полагается. — Кротенков вытащил из карманов пару пистолетов. — А здесь продукты и прочее,— ткнул он носком сапога в лежащую на снегу котомку.

Чекист посмотрел на ловко пригнанную охотничью одежду, в которую нарядился японец, потом на большие военного образца ботинки.

— Снимите обувь!

Японец даже не повернул головы, словно не понимая, что говорят ему.

— Слушаться, когда приказывает советский командир! — повысил Кузнецов голос.

Японец вскинул на чекиста чёрные близорукие глаза и, присев, начал торопливо снимать ботинки. Ему дали взамен армейские сапоги и увели в баню, приспособленную под арестное помещение.

Кузнецов и Дед прошли в канцелярию. Командир взял кинжал, и не успел Фёдор Иванович моргнуть, как он отодрал у каблуков ботинок набойки.

— Зачем добро портишь! — воскликнул Дед.

— А чего нам жалеть, коли они сами не жалеют, — усмехнулся чекист и, стукнув ботинками о стол, вытряхнул из выдолбленных в каблуках потайных ямок два маленьких свёрточка.

— Штуковина! — поразился Дед, глянув на командира с таким изумлением, что тот громко расхохотался.

Потом Кузнецов осторожно развернул свёрточек поменьше. В пергамент и вату были завернуты несколько гранёных камешков, с маленькую горошину каждый. Чекист быстро подвинул их на то место стола, где играл солнечный луч, и горошины засверкали всеми цветами радуги.

— Неужели бриллианты? — прошептал Фёдор Иванович.

— Они самые, семнадцать штук, — сосчитал Кузнецов.

— Вот грабитель, гнилая душа! — возмутился Дед. — Это же они наш народ грабят! Я на ихние разбойничьи дела нагляделся: из Владивостока целыми кораблями наше добро увозили. И самураи проклятые, и американцы, и англичане.

— Подожди волноваться, посмотрим, что здесь, —

Кузнецов с той же осторожностью распаковал второй свёрточек. — Я так и думал, что японец не контрабандист.

Во втором свёрточке оказалась какая-то бумага, тщательно запакованная в резиновый мешочек. Начальник быстро прочитал её и повернулся к Деду, лицо которого выражало нетерпение.

— Он шёл из Владивостока к самому Назарову. Бриллианты, конечно, награбил для себя. А в общем-то, Фёдор Иванович, это уже не нашего ума дело. Нам здесь, в тайге, с этим не разобраться...

Начальник замолчал. Дед не хотел мешать его думам и рассматривал сверкавшие бриллианты.

— Я сам должен доставить шпиона в Никольск-Уссурийск, — сказал вдруг Кузнецов. — Я завтра тоже поеду... И насчёт твоего друга Син Хо вопрос решим полутно. Голубев останется за начальника заставы. Молод, горяч, но, я думаю, справится...

— Я ему помогу, — сказал Фёдор Иванович.

— Ты же уезжаешь, — удивился чекист. В душе он очень хотел, чтобы партизан побыл на заставе до его возвращения, и обрадовался, что тот сам, без уговоров, решился на это...

Кузнецов уехал четвёртого марта. С ним отправились два пограничника и Син Хо с сыном. В середине маленького отряда ехали три контрабандиста и японец. Руки их были связаны.

А восьмого марта Голубев сообщил Деду, что утром на маньчжурской стороне кто-то жёг костры.

— Надо глядеть в оба, — озабоченно сказал Фёдор Иванович. — Это не иначе, как Назаров.

Вечером Голубев уехал на границу. Кротенков нарабатался за день на ремонте сарая, устал и прилёг в комнатухе Кузнецова на устланный кедровыми ветками топчан.

Спать не хотелось, и он ворочался с боку на бок

и всё думал и думал о Сучане, о жене с сынишкой, о том, что все его товарищи по партизанскому отряду давно возвратились к своим семьям и на шахты, а он застрял в тайге.

Наступала весна. Ещё не начали таять снега, по ночам прихватывали морозы, а над падами уже разносились голоса лебедей-кликунов. На полыньи озера опускались стаи рыболовов-бакланов. Не замедлили появиться и голенастые китайские журавли.

«Скоро цапли с ибисами прилетят, — прикидывал Фёдор Иванович, — проталины образуются, а там болота окончательно отогреются, всё размокнет — и не выберешься отсюда до самого мая».

«Скоро ли обернётся Кузнецов?.. Даша всё, поди, плачет, а может, и плакать перестала», — Фёдор Иванович представил вдруг, что не он, а кто-то другой любовно смотрит в её глаза, и хоть тотчас мысленно обозвал себя дурнем — не такой человек Даша, — а всё-таки не мог уснуть, поднялся с топчана и направился в канцелярию.

Семилинейная лампа была прикручена — керосин в тайге дороже золота! — и еле освещала небольшую комнатушку. На стене висела схема участка заставы. Чертил её, пользуясь советами Деда, сам Кузнецов. До гражданской войны он работал фрезеровщиком на московском заводе Михельсона и умел чертить.

Кроме Деда и дежурного, на заставе находилось ещё трое бойцов — двое спали, третий стоял часовым на дворе. Остальные пограничники были в нарядах на участке.

Дежурный, с явным трудом сдерживая зевоту, перечитывал роман Войнич «Овод». Это была единственная художественная книга на заставе, и даже Дед учил её почти наизусть.

— Ко сну клонит? — сердито спросил он.

— Клонит, — признался дежурный.

— А ты книгу-то брось и голову в ведро окуни, — посоветовал Фёдор Иванович. — Часового давно проверяли?

— Полчаса назад.

— Пора ещё раз проверить.

Кротенков вышел во двор. Темнота была кромешная, и Дед с трудом увидел часового Гладышева.

— Кругом ходишь?

— Кругом, — прошептал Гладышев. — Всё в порядке...

Фёдор Иванович вернулся в канцелярию и порекомендовал дежурному разбудить спящих бойцов.

— Неровен час, что случится. На улице зги не видно!

Минут через двадцать Дед решил снова проверить часового и вышел в коридор. Привычно придерживаясь за стенку, он направился в сени и остановился, услышав чьё-то сдержанное дыхание.

— Сдавайся, во имя господи! — хрипло прошептал кто-то, обдав Деда перегаром. Коридор осветила яркая вспышка, и Деда ударило в плечо. Он пошатнулся, однако не упал, а, наугад вытянув руку, уцепился за ствол винтовки, которую держал неизвестный человек, рванул её, и тот повалился на Кротенкова, сквернословя и крича кому-то: «Давай сюда, давай!..»

Фёдор Иванович не выпускал врага. Наконец, ему удалось схватить его правой рукой за горло, а пальцами левой ткнуть в глаза. Враг взвыл.

В коридор выскочили дежурный и двое бойцов. Одновременно распахнулась дверь из сеней. Новые вспышки выстрелов осветили коридор.

«Назаровцы!» — подумал Фёдор Иванович, с трудом поднимаясь на ноги, и выстрелил в дверь из отнятой у врага винтовки.

Выстрелили и пограничники. Снова кто-то взвыл,

кто-то упал, свалив стоящие на лавке вёдра. Дверь захлопнулась.

— Исаков, к окошку в казарме! Панюшкин, в канцелярию! Морозов, у дверей! — скомандовал Дед: он понял, что застава окружена. «Хорошо мы придумали, что сделали изнутри ставни с бойницами!» — мелькнула мысль.

В это время лежащий на полу бандит схватил его за ноги. «Недобитый!» — Фёдор Иванович ударил прикладом вниз...

Трое пограничников и партизан до рассвета отстреливались от бандитов. На рассвете прискакал Голубев с пятью бойцами. Банда бежала.

Часового — бандиты подкрались к нему сзади и прикончили ножом — похоронили неподалёку от заставы под пихтой.

На прибитой к стволу дерева дощечке Голубев написал большими печатными буквами:

«Питерский пролетарий, красный пограничник и большевик — Степан Гладышев. Погиб на боевом посту от злодейской руки врагов народа 9 марта 1923 года. Вечная память тебе, дорогой товарищ!..»

Когда вернулся Кузнецов, рана у Фёдора Ивановича уже поджила, он свободно владел рукой и на радостях так сжал руку начальника, что тот невольно поморщился.

Фёдор Иванович подробно рассказал Кузнецову обо всём, что случилось на заставе в его отсутствие. Помимо нападения назаровцев, пограничникам пришлось выдержать бой с бандой Шубина. Кроме того, всё тот же Панюшкин задержал ещё двух контрабандистов.

— Словом, особенно долго спать было некогда, — закончил Дед свой отчёт.

— «Мы — солдаты на боевом посту», так нам говорил товарищ Дзержинский, — сказал Кузнецов. — Знаешь, кто такой твой японец? Очень крупный шпион.

Жил во Владивостоке с девятьсот третьего года. Прачкой в порту работал, а перед тем окончил академию генерального штаба. Он получал задания от самого генерала Ямато — командующего оккупационной армией. Шпион шёл к Назарову с директивой насчёт объединения банд в большую ударную группу. Никому не решился доверить это дело.

— Выходит, хорошо, что он у меня кабанов спугнул! — удовлетворённо проговорил Дед.

— Очень даже хорошо! — подтвердил Кузнецов. — Да что же ты не интересуешься судьбой Син Хо? Ему предложили на выбор — или жить в своей фанзе, или поехать на остров Аскольда: мы там создаём питомник чернубурых лисиц.

— Ну, и как он?

— Поехали оба на Аскольд: и он, и сын. Кстати, я давно тебя хочу спросить, что это за штука такая «тысяча смертей»? Помнишь, ты говорил, что Син Хо спас тебя после «тысячи смертей»?

— Игра самурайская, — хмуро сказал Кротенков. — Поставят тебя к стенке, выстроят против взвод солдат. Офицер взмахнёт платочком: «Пли!» Ружья грохнут, а ты жив останешься: они холостыми стреляли. Потом опять на допрос поведут. Пытают, пытаются, видят, толку от их иголок да шомполов мало — к виселице приговорят. Повесят, у тебя уже глаза на лоб вылезут, и в это время перережут верёвку — живи. И опять на допрос, опять иголки и щипцы в ход пошли. Молчишь? Решат голову отрубить, на плаху положат, палач дойдёт, размахнётся и ударит топором перед самым носом... И всё в таком роде. Который человек здоровьем слабый, у того сердце не выдержит, разорвётся. Это у самураев называется пыткой «тысячи смертей».

— Изверги! — Кузнецов покачал головой. — Неужели ты всё это перенёс?

— Пришлось,— спокойно ответил Фёдор Иванович.— Я тогда из тайги в подпольный губком партии пошёл, а шпики меня на явочной квартире накрыли. Ну, в общем, короче-то говоря, когда я из тюрьмы убежал и добрался до тайги, меня Син Хо укрыл у себя и вылечил.

...В ночь начальник заставы и Кротенков направились к границе проверять посты.

Они долго ехали, не разговаривая. Дед первым нарушил молчание:

— Ты, товарищ Кузнецов, напиши в Никольск-Уссурийск насчёт меня: пусть зачислят в твои помощники.

— Напишу,— ответил Кузнецов. — А ты бороду сбрей, завтра чтобы её не было. Не к лицу пограничнику с такой страшенной бородой ходить. Чего ради раньше времени в старики определился?!

Они проехали молча с версту, и Кузнецов спросил, словно только сейчас подумал об этом:

— А как же с отдыхом твоим будет?

— Какой там отдых! — разгорячился Фёдор Иванович. — Разве положено солдатам в такое время отдыхать?!

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы о книжках библиотечки журнала
«Советский воин» и свои пожелания по-
сылайте по адресу: Москва, пл. Коммуны, 2.
Редакции журнала «Советский воин».

РЕДАКЦИЯ.

Техн. редактор Ю. Гончаренко. Корректор А. Шабалова.
Издатель Воениздат. Адрес редакции: Москва, площадь
Коммуны, д. 2. ЦДСА им. М. В. Фрунзе. Тел. К 2-40-73.

Г80329. Подписано к печати 8.III.52.
Бумага 70×92 $\frac{1}{32}$ = 0,75 бум. л. — 1,75 печ. л. Зак. 113.

1-я типография имени С. К. Тимошенко
Управления Военного Издательства Военного Министерства СССР